

Шэнь Янь прикрыл глаза, пытаясь прочувствовать момент, затем снова открыл их и опустил взгляд. Его пальцы переплелись с пальцами Чжао Линьсу. Он поднял глаза на Чжао Линьсу — тот сдержанно и пристально смотрел на него, и вид у него был почти сердитый. Совсем как при их первой встрече, когда Шэнь Яню показалось, будто этот парень вот-вот укусит. Вот и сейчас у Чжао Линьсу было выражение лица человека, готового укусить.

Так вот, оказывается, как это выглядит.

Шэнь Янь легко коснулся губ Чжао Линьсу поцелуем:

— Я хочу дотронуться до тебя, нельзя?

— ...

Тёмно-синий пояс юката переплёлся с бежевым. Кадык Чжао Линьсу быстро дернулся дважды. Он выпростал руку, положил её на пояс юката Шэнь Яня и слегка потянул.

Молодые, крепкие грудные клетки прижались друг к другу.

Шэнь Янь не знал, не переходит ли он сегодня все границы, но останавливаться не хотел. Ему хотелось продолжать, дойти до самого конца.

Жадный, словно от сильной жажды, поцелуй; трение и столкновение мышц; сплетённые руки, будто пытающиеся отвоевать друг у друга территорию — всё это походило на немного хаотичную, готовую выйти из-под контроля потасовку.

В новогоднюю ночь их разделял экран, но теперь экрана не было.

От поцелуев у Шэнь Яня онемел корень языка, но он всё равно не хотел останавливаться.

Возбуждение захлёстывало с головой.

Такая взаимная, а не односторонняя близость куда сильнее будоражила нервы. Это было совсем не то же самое, что забота Чжао Линьсу в одни ворота, когда главное — «лишь бы ему было хорошо».

Шэнь Янь понял, что первое нравится ему больше. Ему нравилось видеть, как Чжао Линьсу теряет контроль точно так же, как и он сам.

Ветер колыхал ветви в роще, раздавался шелест листьев. Шэнь Янь тяжело дышал, в груди у него грохотало, словно в барабан. Сердце Чжао Линьсу прижималось к его собственному, бьющемуся в таком же беспорядочном ритме.

Тяжёлое дыхание постепенно утихло. Шэнь Янь повернул голову, Чжао Линьсу тоже повернулся к нему. Никто ни слова не произнёс, они сами собой снова соприкоснулись губами в мягком, влажном поцелуе.

— Как ощущения? — спросил Чжао Линьсу.

— Отлично, — ответил Шэнь Янь.

Чжао Линьсу крепко обнял его, и Шэнь Янь ответил на объятие.

— Всё совсем не так страшно, как ты говорил, — тихо сказал Шэнь Янь.

— ...

— Чжао Линьсу, ты всегда всё продумываешь наперёд и проявляешь предусмотрительность. Я считаю, это твоё достоинство, и мне правда приятно, что ты так заботаешься обо мне, — произнёс Шэнь Янь. — Но раз уж мы вместе, если заботиться будешь только ты, а я лишь пользоваться твоими трудами, это не будет похоже на нормальные отношения. Да и мне самому от этого не по себе.

Шэнь Янь и сам всё осмыслил: просто убегать бесполезно. У него постоянно так: сбежит на полпути, а потом приходится прикладывать вдвое больше усилий для решения проблемы, да ещё и порождать новые из-за побега. Так не лучше ли сразу смело посмотреть трудностям в лицо?

— Если у тебя есть какие-то опасения или ты боишься, что я чего-то не приму, ты всегда можешь сказать мне. Раз мы решили быть вместе, значит, должны вместе преодолевать любые возможные препятствия.

— Я не считаю, что чем-то тебе обязан, но и ты не думай, будто меня к чему-то принуждают. Не ты ведь заставил меня встречаться с парнем, это мой собственный выбор. Пусть я пока и не совсем готов ко всему на сто процентов, я хочу попробовать. В конце концов, предложить попробовать тоже было моей идеей.

— Так что давай впредь ни от чего не увиливать и ничего не скрывать друг от друга, идет?

Шэнь Янь подвёл итог жизнерадостным тоном, попутно подбодрив сам себя.

Чжао Линьсу дышал ему в шею. Помолчав некоторое время, он тихонько прикоснулся губами к пульсирующей жилке на шее Шэнь Яня. И в душевном порыве снова мысленно повторил про себя одну и ту же мысль:

Этот мир безумно к нему благосклонен.

— Хорошо.

* * *

В итоге в самый последний день зимних каникул они всё-таки снова переступили черту.

Вернувшись домой, Шэнь Янь рухнул на кровать, браня свою слабую волю. Указательным пальцем правой руки он гневно вывел у себя на ладони иероглифы «воздержание», после чего написал Чжао Линьсу в WeChat:

[sy: Я объявляю завязку с пошлостями]

[Чжао Линьсу: ?]

[sy: Тебя это не касается]

[sy: Это сугубо личная борьба за духовное самосовершенствование]

[Чжао Линьсу: Я могу выразить протест?]

[sy: Можешь]

[sy: Но он не принимается]

[Чжао Линьсу: Тогда я буду тебя соблазнять]

[sy: ...]

[sy: Не надо оглашать свои намерения]

[sy: Их нужно подкреплять действиями]

Чжао Линьсу прислал смеющийся стикер.

[Чжао Линьсу: Янь-Янь]

[sy: Только без нежностей]

[Чжао Линьсу: Ты мне нравишься]

Шэнь Янь держал телефон и пытался сдержать улыбку, но так и не смог — всё равно расплылся в улыбке.

[sy: Это считается соблазнением?]

[Чжао Линьсу: Скорее нет]

[Чжао Линьсу: Просто чистая правда]

[sy: Давай настоящий соблазн]

[Чжао Линьсу: Завтра утром жареные дамплинги от «Ху»?]

[sy: !]

[sy: (слюнки_текут.gif)]

[sy: Спасибо, соблазнение прошло успешно]

[Чжао Линьсу: Заеду за тобой на десять минут раньше, идет?]

[sy: Почему?]

[Чжао Линьсу: Как думаешь?]

Чжао Линьсу отправил ему смущённый эмодзи.

Шэнь Янь посмотрел на подмигивающего человечка с румянцем на щеках — этот стикер никак не вязился с образом Чжао Линьсу. Он долго хохотал, а когда набирал ответ, на губах всё ещё играла лукавая ухмылка.

[sy: Тебе хватит всего десяти минут?]

[sy: Хм, сегодня ты и вправду как-то быстренько справился]

[Чжао Линьсу: Когда ты меня трогаешь, я, само собой, быстро]

Шэнь Янь: «...»

Ну кто бы сомневался, маньяк со стажем!

Они болтали о всякой всячине, подкалывали друг друга, иногда с пошлыми подтёками. Шэнь Янь чувствовал, что они стали ещё ближе, и искренне, всем сердцем радовался этому.

На следующий день, в первый день нового семестра, Шэнь Янь даже не чувствовал обычной тоски. Он вышел пораньше, встретился с Чжао Линьсу у ворот жилого комплекса, сел к нему в машину, где они обменялись свежим, мятным поцелуем. Затем Шэнь Янь с аппетитом умял жареные дамплинги и подарил Чжао Линьсу ещё два поцелуя — уже со вкусом дамплингов.

— Ну как, у меня во рту вкусно пахнет?

— Вкусно, — Чжао Линьсу завёл машину. — Сразу видно, свежайшая свинина.

Шэнь Янь как раз пил соевое молоко. Сделав пару глотков, он сообразил, к чему это сказано, и съездил Чжао Линьсу локтем в бок:

— Пошёл ты!

— На послезавтра есть какие-нибудь планы? — спросил Чжао Линьсу.

— На послезавтра? — Шэнь Янь был в полном недоумении. — Занятия, конечно. А что за планы? Если хочешь куда-то сходить, говори прямо.

Чжао Линьсу с улыбкой бросил на него взгляд:

— А ты куда хочешь?

— Я? Ну... — Шэнь Янь задумался. — Не знаю.

Чжао Линьсу со смешком покачал головой:

— Тогда я сам всё организую.

— Угу, ты уж организуй. Я сам понятия не имею, куда податься. Вообще, запомни: никогда не спрашивай местных, где красиво и интересно, местные сами ничего не знают.

— Понял.

Шэнь Янь отпил ещё соевого молока:

— Впрочем, куда бы ты меня ни привёз, мне везде понравится.

— ...

Чжао Линьсу, не отрываясь от дороги, тяжело вздохнул:

— Студент Шэнь.

— А?

— Во время движения флиртовать с водителем запрещено.

— ...

Отвали.

На первой паре нового семестра их «железный треугольник» собрался снова. Чжу Нинбо за какие-то короткие зимние каникулы умудрился загореть: обычно бледный южанин приобрёл легкий пшеничный оттенок кожи и выглядел теперь довольно сурово.

Шэнь Янь изумлённо спросил:

— Ты на какую стройку кирпичи таскать ходил?

Чжу Нинбо с улыбкой ответил:

— На папину.

— ...

Вот черт, а он и вправду на стройку впахивать ездил!

Чжу Нинбо рассказал, что ляпнул отцу о своём желании после выпуска стать учителем. Отец рассердился не на шутку и в разгар Нового года со зла сослал его на стройплощадку — мол, пускай познает тяготы жизни. Прошло пять дней, отец приехал на объект и увидел, что Чжу Нинбо уже в доску свой среди оставшихся рабочих: со всеми на «дядя такой-то» в обнимку общается. Отца чуть удар не хватил; он развернулся и ушёл, решив посмотреть, сколько сын выдержит на стройке.

А Чжу Нинбо проторчал там все зимние каникулы и под конец даже получил приличные деньги — праздничный тариф, как-никак. На радостях он купил рабочим чаю, отцу — кожаный ремень, а маме — лайковые перчатки.

Отец, получив ремень, лишился дара речи. Ему безумно хотелось отхлестать этим ремнём сыночка, но он лишь бессильно покачал головой.

Мать, получив перчатки, растрогалась до слёз, но когда узнала, что сын на праздник летал не отдыхать за границу, а проходил суровые испытания на стройке, надела перчатки, примчалась к бывшему мужу и вlepила ему звонкую пощёчину.

Разведённые супруги устроили дикий скандал. Чжу Нинбо, оказавшись меж двух огней, кое-как умудрился помирить их перед самым отъездом.

— А на оставшиеся деньги я хочу купить подарок тренеру Ляну на День святого Валентина, — с мечтательным видом произнёс Чжу Нинбо.

У Шэнь Яня на секунду случилось замыкание в мозгу. День святого Валентина?

14 февраля — День святого Валентина... Сегодня 12 февраля... завтра... значит, послезавтра!

Шэнь Янь повернул голову: Чжао Линьсу подпёр лоб рукой и подмигивал ему, приподняв бровь.

Шэнь Янь: «...»

<http://bllate.org/book/18373/1766073>